

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА

Графиня Дюбарри

*Интимная
история
фаворитки
Людовика XV*

Наталия Сотникова

**Графиня Дюбарри. Интимная
история фаворитки Людовика XV**

«Алисторус»

2018

УДК 616.89
ББК 88

Сотникова Н. Н.

Графиня Дюбарри. Интимная история фаворитки Людовика XV /
Н. Н. Сотникова — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907024-15-1

Невзирая на редкую красоту, судьба не сулила радужного будущего Жанне Бекю, незаконнорожденной дочери деревенской швеи и монаха-францисканца. Во Франции XVIII века считалось непреложной истиной, что пригожие дочки бедняков предназначены исключительно для ублажения прихотей знатных господ. Эта участь не миновала и Жанну, с юных лет попавшую в лапы светского авантюриста и сводника Жан-Батиста Дюбарри. Она заработала славу самой вожденной куртизанки Парижа и, в конце концов, стала официальной любовницей стареющего короля Людовика XV. Как удалось Жанне занять место, пустовавшее после кончины несравненной «королевы рококо», всемогущей маркизы де Помпадур? Почему самый взыскательный двор Европы смирился с присутствием бывшей куртизанки? Что привело дочь народа на гильотину, на которой в годы Великой французской революции казнили в основном аристократов? Отчего до сих пор столь диаметрально противоположны суждения об этой женщине? Вы познакомитесь с подлинной историей королевской фаворитки, прочитав эту книгу, первую в России, посвященную необыкновенной истории взлета и падения графини Дюбарри.

УДК 616.89

ББК 88

ISBN 978-5-907024-15-1

© Сотникова Н. Н., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Вместо предисловия	7
Путь в Версаль	9
Ангел во плоти	9
В людях	14
Парижские тайны	19
Неукротимый гасконец	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталия Сотникова
Графиня Дюбарри. Интимная
история фаворитки Людовика XV

В оформлении обложки использована репродукция картины Ф.Ю. Друэ «Портрет графини Дюбарри в виде Флоры»

Вместо предисловия

Давным-давно, еще в эпоху так называемого развитого социализма, попала мне как-то в руки небольшая книга писательницы Галины Серебряковой «Женщины эпохи Французской революции». Десять новелл о судьбах самых разных женщин, которым выпала судьба жить (а некоторым – и умереть) среди бурь этого крупнейшего катаклизма восемнадцатого века, не претендовали ни на глубину, ни на точность исторического исследования, однако давали безапелляционную оценку всем героиням. С девятью женщинами вроде бы все было понятно, но вот относительно Жанны Дюбарри меня почему-то обуряли некие сомнения.

Полагаю уместным сделать здесь отступление, ибо современному читателю имя Галины Иосифовны Серебряковой не говорит ничего, да и большинству нынешних литературоведов, надо думать, оно неизвестно и не пробуждает у них никакого интереса. Однако в 60-е и 70-е годы двадцатого века трилогия Г.И. Серебряковой о К. Марксе и Ф. Энгельсе издавалась в Советском Союзе тиражами в сотни тысяч экземпляров, ибо полностью соответствовала требованиям идеологически выдержанного литературного произведения. Жизнь самой Серебряковой (1905–1980) была чрезвычайно насыщенной событиями в духе того времени. Родилась в семье родителей-революционеров, в 1919 году вступила в РКП(б), немедленно сбежала на фронт, затем в 1920–25 гг. обучалась на медицинском факультете МГУ, дважды выходила замуж, оба раза за видных большевистских деятелей, Л. Серебрякова¹ и Г. Сокольников². В 1936 году началось ее хождение по мукам сталинских репрессий, в результате которых Серебрякова потеряла мужа и отца, пять раз подвергалась аресту, извела лагеря, и ссылки, но в 1956-м была полностью реабилитирована. Как видно из счастливой судьбы трилогии о К. Марксе, писательница полностью владела партийно-классовым подходом к изображению своих героев. Почему же она не применила этот беспроигрышный метод при создании образа мадам Дюбарри?

Историю девушки из простонародья, поднявшейся до всесильной фаворитки предпоследнего короля Франции Людовика XV можно сравнить только с судьбой цирковой наездницы Феодоры, ставшей женой императора Юстиниана. Но по приговору того же народа графиня Дюбарри, женщина уже немолодая и вроде бы далекая от политики, была казнена. Г. Серебрякова с самого начала определяет отношение к своей героине, безапелляционно наклеив на Жанну Дюбарри ярлык «жадной, распутной и бездушной проститутки из кабачка».

Надо сказать, что в СССР как рабочее, так и крестьянское происхождение, в особенности в послереволюционный период (а книга была написана в 1929 году и несколько раз переиздавалась вплоть до 1964 года), служило индульгенцией от всех грехов. Если девушка стала проституткой – значит, к тому ее вынудили неумолимые обстоятельства жизни в обществе бесчеловечной эксплуатации, и она достойна сочувствия, но отнюдь не порицания. Почему

¹ Леонид Серебряков (1888–1937) – видный деятель большевистской партии, занимал многочисленные посты в политуправлении Красной армии и правительственных органах, последний пост – зам. наркома путей сообщения. Репрессирован, впоследствии реабилитирован.

² Григорий Сокольников (1888–1939) – видный государственный деятель СССР, занимал должности наркома финансов, полпреда СССР в Великобритании, зам. наркома иностранных дел, наркома лесной промышленности. Репрессирован, впоследствии реабилитирован.

Серебрякова так ополчилась на дочь народа, мне было как-то не совсем понятно. Дело, к сожалению, заключалось в том, что в ту пору ничего другого о мадам Дюбарри узнать было невозможно.

Минуло немало лет. Упал железный занавес, по роду своей работы я объездила почти всю Западную Европу и из каждой командировки привозила пару-тройку книг по обожаемой мною истории. Наконец, начали попадаться мне издания и о графине Дюбарри. К своему удивлению, я узнала, что даже на родине графини мнение о ней бытует далеко не однозначное. Ныне же постепенно укрепляется убеждение историков в том, что современники отнеслись к ней слишком пренебрежительно, не уделили должного внимания ее судьбе, не оценили всю глубину драмы дочери народа, вознесшейся до положения королевы и отправленной на эшафот этим же самым народом. Чем дальше уходит от нас день ее казни в промозглых декабрьских сумерках 1793 года, тем все больше создается книг о мадам Дюбарри, повествующих о женщине, которой в течение всей жизни приходилось не раз расплачиваться за редкую красоту, дарованную ей.

Не остались в стороне и другие жанры искусства. В конце XIX века на сцене имела большой успех оперетта популярного австрийского композитора Карла Милёккера «Мадам Дюбарри» (1879), экранизированная в 1951 году. Первый художественный фильм о графине был снят известным немецким режиссером Эрнстом Любичем, можно сказать, на заре игрового кинематографа, в 1919 году. Надо заметить, что трактовка ее образа в киноработах мне также представляется весьма спорной. В фильме Софии Копполы «Мария-Антуанетта» (2006) графиня, злобная интриганка, в исполнении итальянки Азии Ардженто ни по внешности, ни по характеру не имеет ничего общего с реально существовавшей личностью. После ознакомления со всеми этими произведениями мне также захотелось попробовать разобраться в тех фактах ее жизни, которые более или менее точно известны историкам.

Путь в Версаль

Ангел во плоти

«Среди них (девиц в кабачке на окраине Парижа) красотой выделялась Жанна Бекю, прозванная Ангелом, девушка добродушная, румяная и глуповатая. Дочь трактирной служанки и монаха, она выросла среди винных луж, спотыкаясь о пьяные тела, засыпая в хмельных парах». (Г. Серебрякова «Жанна Дюбарри»)

19 августа 1743 года в унылом заштатном городке Вокулёр, расположенном в Шампани на границе с Лотарингией³, у тридцатилетней швеи Анны Бекю-Кантиньи родилась девочка. В тот же самый день ее окрестили Жанной, согласно обычаю, по имени крестной матери, некоей Жанны Бирабен. В регистрационной книге церкви Вокулёра стоят лишь подписи vicария и крестных родителей, об отце нет и помину: девочке с момента появления на свет было суждено нести на себе клеймо незаконнорожденной.

Современники и историки практически едины в своем мнении: отцом малышки был Жан-Батист Гомар де Вобернье, монах братства Пикпюс, которое имело в Вокулёре свой монастырь. В миру он был известен как «брат Анж⁴». Видимо, монах поддался соблазну и не смог устоять перед пышными формами тридцатилетней швеи, подрубившей в монастыре подола и рукава подрясников и стихарей. Впоследствии он перебрался в Париж, где служил в церкви богатого прихода Св. Эсташа, и в течение всей своей жизни не порывал связи с Анной Бекю.

Было трудно устоять перед красотой членов семейства Бекю, которую они унаследовали от своих предков. Их дед, простой парижский мясник, содержавший лавочку в Париже в правление Людовика XIII, считался одним из самых красивых мужчин своего времени. Его сын Фабьен заправлял харчевней и каким-то образом привлек своей внешностью внимание знатной вдовы, графини Мондидье де Кантиньи. Слышшая оригиналкой аристократка зашла в своем увлечении настолько далеко, что сочеталась с красавцем-трактирщиком законным браком. Семейная жизнь, увы, продлилась недолго: супруга вскоре скончалась, оставив вдовцу в наследство ужасно запутанные имущественные дела. Единственное, что вынес из этого горького опыта молодой человек, было знатное имя древнего лотарингского рода Кантиньи, которое он и присвоил себе, не имея на то никакого права. Страсть французов облагораживать свое незавидное происхождение всегда была притчей во языцех среди прочих европейских народов. Поскольку надо было каким-то образом обеспечивать свое существование, Фабьен Бекю-Кантиньи поступил на службу поваром к графине Изабель де Людр, которая в ту пору непродолжительное время состояла в любовницах короля Людовика XIV. В 1680 году звезда мадам де Людр закатилась, и ей пришлось отправиться в изгнание в свой замок в глуши близ Вокулёра, прихватив с собой кое-кого из прислуги, включая повара. На новом месте Фабьен сошелся с

³ Лотарингия, ныне часть Франции, тогда еще была независимым герцогством.

⁴ По-французски означает «ангел». Поскольку, по-видимому, в такой дыре как Вокулёр все тайное немедленно становилось явным, малышку чуть ли не с самого рождения стали называть «Ланж» (l'Ange), впоследствии Жанна часто называла себя «мадмуазель Ланж».

одной из служанок графини, Жанной Юссон, на которой и женился в 1693 году, когда поступил на службу метрдетелем к другому знатному лотарингцу, г-ну де Рорете. Его замок располагался по соседству не только с владениями графини, но и с деревушкой Домреми, родиной Жанны д'Арк. Впоследствии кое-каким остроусловам нравилось сравнивать судьбу двух Жанн, родившихся в этих благословенных местах, из которых одна способствовала спасению французского королевства, другая же ускорила его падение.

Господь благословил супружескую чету Бекю-Кантины тремя сыновьями и четырьмя дочерьми, причем дети с колыбели отличались броской внешностью. Все они употребили этот свой единственный капитал с выгодой для себя: одна из дочерей вышла замуж за владельца гостиницы, вторая – за булочника, а Элен и сыновья отправились попытать счастья в Париже. Не сказать, чтобы судьба особо вознаградила их ожидания, но им удалось занять высшие позиции в иерархии скромного, но весьма престижного мирка парижской прислуги. Получившая в своем квартале прозвище «прекрасная Елена», исключительно степенная и рассудительная Элен стала горничной жены королевского библиотекаря, академика Биньона. Лакеев тогда выбирали по росту и представительной внешности, так что всем троим сыновьям, благодаря своим статям и отменным манерам, удалось устроиться в услужение в самые аристократические дома: Шарлю – к тестю Людовика XV, бывшему польскому королю Станиславу Лещинскому, Николя и Жану довелось послужить у герцогини д'Антен, герцога де Грамон, графа д'Эстре и даже маркизы Помпадур. Среда в благородных особняках была совершенно иная, нежели у простых буржуа. Ливрейные лакеи щеголяли в костюмах из шелка и бархата, отделанных кружевом и золотым галуном, иногда их даже снабжали шпагами! Неудивительно, что подобных лакеев, случалось, принимали за дворян. Уместно будет заметить, что, когда графиня Дюбарри воцарилась в Версале и обзавелась обширным штатом прислуги, она весьма гордилась тем, что в нем состояли «шестеро самых красивых лакеев, которых только можно было найти».

Почему Анна, единственная из детей Фабьена, не сумела использовать себе во благо дарованную ей небесами красоту, навсегда останется для нас загадкой. Ремесло швеи оплачивалось чрезвычайно скудно, прожить на такой мизер было практически невозможно, так что ее репутацию сгубила либо склонность к галантным похождениям, либо необходимость обеспечить себе и дочери сносное существование. В Вокулёре размещался военный гарнизон, поэтому недостатка в желающих воспользоваться ее благосклонностью, Анна, по-видимому, не испытывала. Надо полагать, наличие одного внебрачного ребенка местное общество скрепя сердце еще стерпело, но, когда в феврале 1747 года швея разрешилась от бремени сыном Клодом, жизнь ее существенно осложнилась. Оставаться и далее в этом захолустье означало обречь себя и детей на повседневные унижения и беспросветную нищету. Однако судьба смилостивилась над неудачницей, послав ей спасителя в лице генерального интенданта гарнизонов восточной Франции, некоего господина Бийяр-Дюмусо (по некоторым источникам Дюмонсо), посетившего с инспекцией местный полк. Кроме этой должности он занимал еще и пост казначея ратуши Парижа, что было чрезвычайно доходным местом и обеспечивало ему завидное положение в привилегированной сфере финансовой верхушки столицы. Каким-то образом жизненные пути Бийяр-Дюмусо и прекрасной матери-одиночки пересеклись, чиновник был растроган ее тяжким положением и решил, как выражались в те времена, принять в ней участие. Он посоветовал Анне отправиться в Париж, посулив свое покровительство.

В Париже Анна первоначально нашла приют у своей сестры Элен, поскольку в столице, где примерно треть детей была рождена вне брака, на ее прошлые прегрешения в провинции общество было склонно смотреть сквозь пальцы. К тому же младенец Клод вскоре отдал Богу душу, тем самым существенно облегчив жизнь матери. Господин Бийяр-Дюмусо сдержал данное им обещание и устроил Анну поварихой к своей любовнице, актрисе-итальянке Франческе, ибо швея в полной мере унаследовала выдающиеся кулинарные таланты своего отца.

Поскольку красавица Франческа вела довольно свободный образ жизни, вполне вероятно, что поварихе было вменено в обязанность выполнять не только свои непосредственные обязанности, но еще и шпионить за хозяйкой.

С самых первых дней своего существования на этом свете Жанна Бекю, или Ланж, выделялась редкой красотой. Жизнь в Вокулёре была тяжелой, но, судя по всему, Анна прилагала все усилия, чтобы по возможности скрасить убогий быт своей неполной семьи. Во всяком случае Жанна была очень привязана к своей матери и на протяжении всего своего жизненного пути чрезвычайно заботилась о ней. Красота девочки приводила в восторг как господина Бийяр-Дюмусо, так и его любовницу. Интендант обеспечивал Франческе роскошное содержание, и в этом доме Жанна впервые узнала, что такое красивая мебель, модная одежда, хороший выезд, изысканный стол. Актриса наряжала Жанну как куклу, интендант, который на досуге баловался живописью, писал с нее портреты пастелью в стиле Буше, изображая очаровательную малютку то в виде нимфы, то купидона.

Тем временем Анна решается, наконец-то, устроить свою личную жизнь. В июле 1749 года она выходит замуж за Николя Рансона, человека незначительного, безобразного, с лицом, изрытым оспой, к тому же моложе ее. Господин Бийяр-Дюмусо не оставил молодых своим вниманием и пристроил новобрачного каптенармусом склада поставок для острова Корсики. В ту пору остров еще принадлежал Генуэзской республике, но на нем начались волнения с требованиями предоставить этой территории независимость. Франция, проявив завидную расторопность, постаралась не остаться в стороне с тайным намерением прибрать остров к рукам. По просьбе республики туда был направлен экспедиционный корпус с задачей подавить смуту, наводимую сторонниками независимости. Снабжение корпуса провизией являло собой поле деятельности, завидное с точки зрения извлечения незаконных доходов. Естественно, ловкие дельцы не упустили возможность выловить недурную рыбку в мутной водичке и заработать на этой затее королевства хорошие деньги.

«Жанна Бекю очаровала короля грубой простотой, невежеством...»

Невзирая на то, что новая должность главы семейства гарантировала некоторую стабильную обеспеченность, родители были не в состоянии дать Жанне образование. Традиционно считается, что именно Франческа настояла на том, чтобы господин Бийяр-Дюмусо оплатил обучение девочки в монастыре – единственном учебном заведении, куда можно было поместить в то время отпрыска женского пола. Была выбрана – не без участия отца Жанны, брата Анжа, который к тому времени уже проповедовал в парижском приходе Св. Юсташа, – обитель Св. Ора, в которую еще не проникли новомодные веяния в виде преподавания танцев и великосветских манер. Первоначальной целью учреждения монастыря было «предоставление убежища для молодых девушек сего прихода, коих нужда толкнула на стезю распутства». В 1723 году задачей общины стало «обучение юности отправлению религиозных обрядов христианской набожности и работам, подобающим женщинам». Хотя годовой курс обучения пансионерки стоил от двухсот пятидесяти до трехсот ливров (некоторые более аристократические монастыри взимали плату до тысячи ливров), даже такая сумма для супругов Рансон была не по карману.

Обитель насчитывала с полсотни монахинь и сорок пансионерок. Все подчинялось практически военному распорядку. Девочек будили в пять утра, в семь часов начиналась заутреня в церкви. На обед выводили в одиннадцать часов, на ужин – в шесть, а в девять воспитанницы отходили ко сну. Головки пансионерок покрывали накидки из черной кисеи, лоб стягивала лента из грубой ткани, нагрудник не был накрахмален, платье сшито из грубой белой саржи, на ногах красовались топорно стачанные башмаки из желтой телячьей кожи. В холодное время года выдавалась небольшая накидка. Зимой отапливались только учебные классы; в дортуарах

и трапезной царил ледяной холод, а посему окна никогда не открывались, и в помещениях стояла удушливая вонь.

Тем не менее девятилетнее пребывание в монастыре сформировало многие черты характера будущей фаворитки. В первую очередь оно привило ей искреннюю приверженность к религии. Особы легкого поведения, наделенные большой набожностью, в ту эпоху были не таким уж редким явлением. Вера в Бога тогда являла собой неотъемлемую составляющую человеческого бытия, и по историческим свидетельствам известно, как самые разные женщины нередко истово молились перед совершением плотского греха, уповая на его отпущение. Во всех поместьях мадам Дюбарри по ее распоряжению непременно воздвигалась часовня, и почти каждое утро графиня посещала службу. Ее религиозность не была показной, она проявлялась через бесчисленные акты благотворительности, совершаемые ею в отношении нуждавшихся и преследуемых. Религия научила ее смирению, покорности воле Божией, и никогда, даже на самой вершине своего успеха, Жанна не проявляла и тени высокомерия. Не известно ни единого случая, чтобы графиня устыдилась низкого происхождения своих близких, напротив, всегда привечала их и оказывала им всяческую помощь. Даже враги фаворитки признавали ее доброту и незлобивость. Незыблемо укоренившиеся в ее душе христианские ценности помогли Жанне выработать железную выдержку, непринужденность и тонкость обхождения, покоровившие наиболее взыскательный королевский двор Европы и снискавшие ей такой успех в Версале.

Что касается светского образования, то пансионеров учили правописанию, чтению, счету, истории, ведению хозяйства, рисованию и музыке. Монастырь привил Жанне любовь к чтению, которая не оставляла ее до последних дней. Показательно, что любимым автором мадам Дюбарри был Шекспир, хотя в библиотеке ее замка Лувесьен рядом с серьезными трудами по истории и литературе соседствовали эротические сочинения. Она будто бы была знакома и с античными авторами, но сомнительно, что ее увлекало чтение произведений Цицерона или Демосфена, как то утверждали некоторые историки.

У девочки выработался изящный почерк, пожалуй, слишком уж убористый; орфография и грамматика, хотя и не идеальные, были, по мнению историков, ничуть не хуже, чем у дам, выступавших в роли хозяек литературных салонов и покровительниц искусств. Как и все они, Жанна вполне сносно освоила мастерство владения пером. Ее письма, оснащенные витиеватыми литературными оборотами, свойственными изысканной учтивости восемнадцатого века, всегда исполнены достоинства.

Что же касается рисования и пения, именно рисование воспитало у будущей фаворитки безупречный вкус и стремление покровительствовать искусствам. Даже в горькую годину своего изгнания она не прекращала выплачивать стипендии слушателям школы рисования.

Никаких достоверных данных о пребывании Жанны в монастыре не имеется, ибо вся документация обители была утрачена. Предположение, что обучение в монастыре не оставило у нее приятных воспоминаний, основано на том, что впоследствии при всей своей обширной благотворительной деятельности она ничего не принесла в дар общине Св. Ора. Клеветники, тщившиеся всячески опорочить графиню, пытались распускать слухи, что она была с позором изгнана из монастыря, поскольку приносила туда книги непристойного содержания. Историки считают эти утверждения маловероятными. Во всяком случае, за девять лет обучения девушка вполне усвоила основы воспитания барышни из буржуазной семьи.

В возрасте пятнадцати лет Жанна покидает монастырь и возвращается к матери, все еще продолжавшей трудиться на кухне мадам Франчески, любовницы господина Бийяр-Дюмусо. Вполне возможно, что причина преждевременного ухода была более прозаичной: просто щедрый покровитель прекратил вносить плату за обучение девушки. Вполне возможно, что он сделал это по настоянию любовницы. Франческе нравилось возиться с очаровательной живой куклой, когда та была несмышленной малышкой. Теперь Жанна превратилась в ослепительную

красавицу. Тут следует сказать, что природа наделила ее к тому большим преимуществом. Известно, что понятие красоты чрезвычайно варьируется в различных эпохах, у различных народов и в различных социальных слоях. Так вот, в XVIII веке во Франции на звание красавицы могла претендовать только блондинка. Немаловажную роль играло и то, что при тогдашнем неважном состоянии гигиены у людей весьма прискорбно обстояли дела с наличием зубов: лишь немногие могли похвастаться даже в молодости здоровыми зубами. Ну а в преклонном возрасте их сохраняли буквально единицы (именно этой причиной историки объясняют факт, почему на портретах той поры художники столь редко изображали улыбающихся людей). Однако крепкое здоровье Жанны позволило ей надолго сохранить ровные зубы. Вот как описывал ее в своих «Воспоминаниях» принц де Линь⁵, познакомившийся с ней немного позднее: «Росту она была высокого, сложения превосходного, восхитительная блондинка, чистый лоб, красивые глаза и равным образом чудесные ресницы, прелестный овал лица с крошечными родинками на щеке, придающими ей несравненную пикантность; ротик с игривой улыбкой, изумительная кожа, грудь, совершенство коей удерживало от искушения прибегать к каким-либо сравнениям». Красота же Франчески увядала, а потому она отчаянно боялась появления в доме юной соперницы. Хозяйка начала придирается к матери девушки, тем более что та явно была не без греха. Во-первых, ей поставили в вину частые посещения брата Анжа (если кто-то запомнит – предполагаемого отца Жанны), невзирая на уверения мадам Рансон, что монах навещает ее исключительно на предмет душевспасительных бесед. Во-вторых, как и любая нечистая на руку прислуга, повариха не упускала случая слегка надуть хозяйку при закупке провизии. Франческе удалось добиться от любовника увольнения плутоватой служанки, и перед семейством Бекю встал сложный вопрос: каким образом устраивать судьбу прекрасной Жанны?

⁵ Принц де Линь, Шарль-Жозеф (1735–1814), маршал Франции, – военный, дипломат и литератор, один из лучших мемуаристов восемнадцатого века и неисправимый повеса.

В людях

На семейном совете с участием сестры и братьев «прекрасная Елена» предложила отдать племянницу в обучение парикмахерскому мастерству к молодому, но подающему большие надежды «тупейному художнику» по фамилии Ламец. Его услугами пользовалась хозяйка Элен, и он как раз подыскивал себе ученицу. Перспективы этой профессии выглядели чрезвычайно заманчиво: по окончании обучения девушка сможет с полным правом посещать дома знатных дам, соприкасаться с их частной жизнью, возможно, стать поверенной в их тайнах, и, даст Бог, ей повезет обрести себе богатого покровителя. В то время считалось непреложной истиной, что привлекательные девушки из бедных семей самой судьбой предназначены для ублажения богатых господ.

Итак, в декабре 1758 года Жанна поселилась в квартире парикмахера и своей красотой внесла вклад в процветание его дела, ибо число клиентов значительно возросло. Естественно, Ламец по уши влюбился в свою пленительную ученицу и не жалел денег на ее содержание. Жанна наряжалась по последней моде, посещение балов перемежалось визитами в театры. В конце концов, мастер парикмахерского дела разорился и был вынужден бежать от преследования кредиторов за границу, где его профессиональные таланты определенно не позволили ему умереть с голоду.

Жанна вернулась в отчий дом, но история с влюбленным куафером на этом не закончилась. В дом, где проживала семья Рансон, 17 апреля 1759 года заявила мать Ламеца, обураваемая гневом в отношении девицы, растранившей средства ее дражайшего сыночка. Поскольку сама Жанна отсутствовала, незваная гостья со всей своей яростью напустилась на ее мать. Она обозвала ее «растлительницей молодых людей, сводницей, распутницей» и обвинила в том, что ее «дочь-проститутка промотала все денежки ненаглядного сыночка». Попытки мадам Рансон урезонить взбешенную вдову не имели успеха, и она выставила эту мегеру за дверь. Вопли выведенной из себя женщины разнеслись по всему дому; мать Ламеца и не думала успокаиваться, а заняла позицию в лавочке торговца фруктами напротив, время от времени во все горло выкрикивая оскорбления в адрес мадам Рансон. Наконец, появилась сама виновница бурного проявления чувств пришелицы. Мадам Ламец подобно фурии вылетела из лавочки, вцепилась ей в руку и осыпала проклятиями эту «распутницу, проститутку, плутовку», угрожая отправить ее в больницу для падших женщин, страдающих дурной болезнью. Невозмутимость, столь восхищавшая придворных в Версале, уже тогда не изменяла Жанне: девушка попыталась успокоить возмущенную даму, но не преуспев в этом, ровно тем же спокойным шагом проследовала к себе домой. Мадам Ламец не успокоилась и всю вторую половину дня провела в лавочке напротив дома, время от времени выскакивая на улицу и во всеуслышание изливая свой гнев на эту «растлительницу молодежи, сводню». Обеспокоенные перспективой потери репутации, сего единственного капитала бедняков, и по наущению мужа мадам Рансон в сопровождении дочери направилась к комиссару квартала и подала жалобу на мадам Ламец за клевету. Тронутый невинным видом и красотой юной Жанны, представитель власти счел возмущение оскорбленных просительниц обоснованным. Эта бумага до сих пор хранится в архивах парижской полиции, но неизвестно, был ли дан ей какой-то ход.

Вполне возможно, что некоторые последствия сожительства с Ламецем все-таки были. Хотя историки единодушно утверждают, что мадам Дюбарри не имела детей, существует подозрение, что появившаяся на свет в 1759 году девочка, зарегистрированная как дочь дяди Жанны Николя Бекю, Мари-Жозефин, на самом деле была рождена Жанной. Во всяком случае, именно к этой, лишь одной из всех своих многочисленных кузин, будущая графиня Дюбарри всю свою жизнь питала особенно глубокую привязанность. Лет десять-двенадцать спустя, когда Жанна стала фавориткой короля, мадам Рансон, невзирая на свое положение замужней дамы,

переехала жить в монастырь, который посещали знатные дамы. Там она была известна под аристократической фамилией мадам де Монтрабе. Вместе с ней там проживала и получала образование ее племянница, та самая Мари-Жозефин. Когда после всех жизненных перипетий мадам Дюбарри воцарилась в замке Лувесьен, Мари-Жозефин постоянно гостила там. В 1781 году девушка сочеталась браком с маркизом Полем де Буазессоном, майором драгунского полка принца Конде, намного старше ее, и в связи с замужеством получила от графини большое приданое. Даже после переезда к мужу на случай ее посещения в Лувесьене всегда были подготовлены комнаты. К тому же, внешне она чрезвычайно походила на Жанну. Однако, ввиду полного отсутствия каких-либо подтверждающих документов, это предположение не получило широкого распространения.

После скандала не могло быть и речи о возвращении Жанны к ремеслу парикмахерши, но приобретенные навыки вполне могли пригодиться для хорошей камеристки. В качестве таковой мадмуазель де Вобернье в конце 1759 года поступает в услужение к пожилой богатой вдове откупщика мадам де Лагард, проживавшей в замке Курнёв близ Парижа. Это было настоящее средневековое строение с четырьмя башнями, расположенное в лесу, окруженное двойным рвом, наполненным водой, с подъемным мостом. Почти годичное пребывание в замке стало важным этапом в усвоении девушкой светских манер, умения держаться среди представителей знати, а также постижения всех тонкостей кокетства и искусства нравиться и обольщать мужчин. Поскольку монастырское образование Жанны явно поднимало ее над уровнем камеристки, она очень быстро была переведена на должность компаньонки старой дамы и завоевала право пользоваться полным доверием своей хозяйки.

Мадам де Лагард, невзирая на свой возраст, продолжала вести активную светскую жизнь. В замке не переводились гости, мамашу регулярно навещали два сына, занимавшие видное положение при дворе и женатые на знатных, но непривлекательных дамах. Образовалось веселое общество с весьма легкими нравами; красота новой компаньонки привлекала в замок молодых людей, которых ранее хозяйке удавалось заманить лишь с трудом. Вдова дарила Жанне свои старые наряды, так что девушка чувствовала себя в этой благородной среде одной из равных. Устраивались балы, организовывались любительские спектакли, чрезвычайно популярные в то время во французском обществе. Эти представления с участием профессиональных актеров, в которые включали и Жанну, опять-таки стали для нее уроками мастерства речи и сокрытия чувств. Она получила там и другие уроки – как правило, все кавалеры немедленно изъявляли готовность посвятить очаровательную девицу во все тайны искусства любви. Жанна сохранила воспоминания о пребывании в замке Курнёв как об одном из самых счастливых периодов своей жизни. По-видимому, именно здесь и возникла у нее непреодолимая тяга к беззаботной, полной развлечений жизни в роскошной обстановке.

Вскоре красота Жанны в очередной раз стала для нее источником неприятностей. В первую очередь быстрого возвышения до положения компаньонки ей не простила прочая прислуга, которая принялась шпионить за ней, причем не гнушалась сдабривать свои доносы изрядной долей самой беззастенчивой клеветы. Утверждали, что девица спит с обоими сыновьями хозяйки и ворует деньги у мужчин. Ситуация еще более осложнилась, когда в замок прибыла графиня де Сент-Ампир, жена одного из сыновей, дама с ярко выраженными лесбийскими наклонностями⁶. Она немедленно воспылала страстью к Жанне, даже не прилагая особых трудов скрыть это чувство, и стала принуждать ее к сожительству. Вполне нормальная девушка, имевшая в ту пору еще весьма смутное представление о подобных отклонениях, была вынуждена пожаловаться мадам де Лагард. Ошеломленная дама в начале 1761 года предпочла расстаться с красавицей, столь осложнявшей безмятежную жизнь в замке.

⁶ В 1767 году по приговору суда Шатле эта дама была заключена в монастырь «за безнравственное поведение и распутство».

К тому времени слава о красоте Жанны потихоньку расползлась по Парижу, и девушка без особых трудностей была принята ученицей продавщицы в один из наиболее известных парижских магазинов модных товаров под вывеской «А ля туалет». Мадмуазель де Вобернье вновь оказалась в том зажиточном квартале финансистов, в котором и проживала со времени прибытия в Париж. Ее благодетель Бийяр-Дюмусо был типичным представителем денежных дельцов, которые задавали тон жизни в Париже, так что мадам Дюбарри попала в юности в тот же самый мир, из которого вышла маркиза де Помпадур. Правда, будущая маркиза родилась в этом окружении и вышла в нем замуж, а Жанна проникла туда с черного хода для прислуги. Тем не менее этого оказалось достаточно для того, чтобы усвоить образ жизни этого мирка. Историки считают, что неслучайно две последние, вошедшие в легенду любовницы Людовика XV были возвращены в мире финансов. В то время в нем было сосредоточено все лучшее, что можно было найти во Франции. XVIII век ошибочно считают веком аристократии – на самом деле королевство уже жило в веке финансовой буржуазии. Погрязшее в долгах, тормозящее промышленное и политическое развитие королевства дворянство, само того не осознавая, фактически представляло собой самый настоящий пережиток прошлого.

После Регентства настоящими хозяевами Парижа становятся денежные мешки. По их заказам строятся самые красивые частные особняки, в которых их жены держат наиболее известные салоны столицы. Там встречаются лучшие умы века Просвещения и деятели искусства. Именно наиболее талантливым архитекторам, художникам и скульпторам финансисты заказывают постройку и отделку своих особняков, именно к ним переходит аристократическая традиция меценатства, поддержки искусства и литературы. Эти выскочки быстро перенимают манеры угасающего дворянства, их вкус и тяга к изящному зачастую превосходят те, которыми обладают живущие рядом вельможи.

«Мать отдала ее в учение к модной портнихе, но темперамент и легкомыслие не способствовали учению. Она пришла после ряда романтических приключений в кабак, где и осталась, всегда довольная, смешливая и готовая любить».

Жанна с удовольствием принялась за работу в магазине. Задача была не из легких – угождение переменчивым вкусам взыскательных и зачастую невероятно капризных покупательниц требовало недюжинного терпения и тонкого знания женской психологии. Однако девушке нравилось погружать руки в лионский шелк, бархат и атлас, драгоценные алансонские, валансьенские и брюссельские кружева, копаться в пестрых лентах, замысловатых отделках, подбирать пуговицы⁷, изготовители которых из кожи вон лезли, чтобы превзойти друг друга в изобретательности. Как ласкали ее взор все эти столь милые женскому сердцу вещи! Магазины посещали знатные дамы со своими кавалерами, придворные, франты, искатели любовных приключений, офицеры, известные актрисы, певицы и танцовщицы. Разговоры шли исключительно о балах, спектаклях, последних светских событиях и сплетнях – то был мир полной безопасности и вечного праздника, столь отличный от гнета повседневных тягостных забот, которыми жило семейное окружение Жанны.

Владелец магазина г-н Лабий держал свой персонал в ежовых рукавицах. Девушки трудились от зари до зари так, что потом буквально валились с ног. После закрытия магазина они ужинали, немного отдыхали и в девять вечера были обязаны занять свои постели в дортуаре, расположенном на четвертом этаже. Учинив своим работницам переключку, хозяин, известный в столице под прозвищем «добродетельный Лабий», запирает дверь на ключ – он дорожил репутацией своего заведения и не желал, чтобы его уподобляли борделю. К сожалению, совершенно посадить своих подопечных под замок этот цербер никак не мог, ибо девушки беспре-

⁷ Появившиеся на европейской одежде в XIII веке пуговицы в XVIII познани эпоху своего расцвета и служили не только для украшения, но и как знак социального статуса.

пятственно сновали по Парижу с поручениями по доставке в магазин различного портняжного приклада для шитья туалетов, а также разносили готовые товары заказчицам. Это обеспечивало прекрасные возможности для общения с поклонниками, к тому же Лабий был вынужден предоставлять работницам выходной день в воскресенье, который те проводили как им заблагорассудится.

Первоначально от нечего делать Жанна сдружилась с хозяйской дочкой, которая была на пять лет младше ее. С первого взгляда такая привязанность выглядела странной, но дело в том, что их объединило пристрастие к рисованию. Юная Аделаида с младых ногтей проявляла признаки недюжинных способностей и брала уроки рисования, к которым присоединилась новая продавщица. Именно в этот период девушка впервые непосредственно соприкоснулась с миром искусства и привлекла внимание художников, которые нередко просили ее позировать для них. В скобках скажем, что впоследствии Аделаида под фамилией Лабий-Гюйяр (1749–1809) завоевала такую же европейскую славу живописца, как и знаменитая «портретистка королей» Элизабет Виже-Лебрэн. Некоторые историки весьма сокрушаются, что эта искусная художница не написала портретов графини Дюбарри. Впрочем, сей факт без труда поддается объяснению: Аделаида работала над изображениями членов королевской семьи, настроенных, естественно, против фаворитки со скандальной репутацией, оказывавшей столь дурное влияние на Людовика XV.

Слава о продавщице с потрясающей внешностью у Лабия быстро разлетелась по всему Парижу. Хотя Жанна не блистала именно классической красотой, в ее влекущей внешности не было и тени вульгарности, напротив, ее облику были присущи какая-то ангельская чистота и добропорядочность. Эту особенность отмечал в своих донесениях даже инспектор полиции нравов Луи Марэ. Прелестница пробуждала не только плотское вожделение, но и стремление к какому-то возвышенному чувству. Не удивительно, что в среде полусвета она приобрела известность под прозвищем мадмуазель Ланж. После службы у мадам Лагард девушка вполне усвоила светские манеры и сохранила непреодолимую тягу к миру знати, живущему в атмосфере постоянного праздника.

В ту пору Париж, как никогда, стал городом галантных приключений. Любовь – центр жизни французского общества XVIII века. В XVII веке стараниями драматургов и поэтов классицизма она была окрашена героической страстью, являла собой возвышенный идеал, проповедуемый рыцарскими романами. Но вошедшее в поговорку распутство времен Регентства лишило любовь всех покровов стыдливости и добродетели, оставив лишь погоню за сладострастием, удовлетворением похоти. Галантные приключения стоят в центре жизни зажиточных классов. Вокруг них сосредотачиваются интересы как мужчин, так и женщин. Дамы, прибегая ко всяческим ухищрениям кокетства, стремятся показать себя неотразимо соблазнительными, а мужчины – как можно более разнообразить свою интимную жизнь в поисках новых ощущений, способных возбудить их пресыщенный излишествами вкус. Недаром выдающийся политик и дипломат князь Ш.М. Талейран, – а также не менее выдающийся распутник, – который до Великой французской революции сделал карьеру духовного лица, дослужившись до епископа, имел обыкновение повторять: «Кто не жил при старом режиме, тот не изведал сладости жизни».

Париж в ту эпоху был, как никогда доселе, благоприятен для удовлетворения этих запросов. Галантные похождения оставались единственным средством для бедных молодых девушек найти выход из мертвящей, беспросветной нужды. Легенды о богатых поклонниках, готовых обеспечить хорошее содержание, заставляли их вступать на скользкий путь любовных походов. Везло весьма немногим, пропасть же разврата безжалостно и бесследно поглощала легионы этих бедняжек. В царствование Людовика XV в Париже насчитывалось от двадцати до тридцати тысяч проституток. Город являл собой полное раздолье для распутников. Места развлечений – ярмарки, ресторанчики, балы, оперный театр – и прогулок кишели жен-

щинами легкого поведения, буквально осаждавшими предающихся праздности мужчин. Даже король проявлял чрезвычайный интерес к похождениям своим подданных и часто требовал у начальника полиции позабавить его пикантными историями из жизни искателей любовных приключений. К услугам проституток прибегали буквально все, от знатных вельмож до простых рабочих, причем значительную долю мужчин, изголодавшихся по сексу, составляли священнослужители. Клиентура попроще искала удовлетворения своих потребностей у совсем уж опустившихся жриц порока, промышлявших за городской чертой. Свирепствовали венерические болезни, поэтому был большой запрос на мастурбацию и оральный секс – быстро, незаметно и безопасно. Для удовлетворения запросов наиболее взыскательных клиентов вокруг Пале-Рояля начали создаваться бордели высшего класса⁸. Магазин Лабия располагался как раз в этом районе.

Привлеченные красотой новой продавщицы, в магазин потоком хлынули франты, распутники, ценители женских прелестей. Под прикрытием оборок, шляп, складок тканей девушке передавались записки, делались беззастенчивые предложения. Постепенно Жанна обзаводится состоятельными поклонниками, историки причисляют к ним полковника Марсье, аббата Боннака, будущего епископа, крупного финансиста Вовенардьера и торговца шелком г-на Бюффо, который впоследствии стал поставщиком тканей для графини в Версале. Исследователи жизни мадам Дюбарри много спорят о том, работала ли мадмуазель Ланж в публичных домах до того, как она познакомилась с Жаном Дюбарри. Враги Жанны во времена ее воцарения в Версале насочиняли обильный материал о том, что она служила в одном из самых известных борделей Парижа, который содержала Маргерит Гурдан.

⁸ Репутация Парижа как города галантных приключений прочно утвердилась за ним за границей. Недаром отличавшийся горячим темпераментом поэт А.С. Пушкин писал в письме к П.А. Вяземскому 27 мая 1826 года: «Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и б(ордели) – то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство».

Парижские тайны

Маргерит Гурдан (1727-83), урожденная Сток, сумела завоевать себе посмертную славу как одна из самых известных сводниц Парижа. Сбежав в детстве из отчего дома в провинции с офицером в Париж, девушка вскоре была вынуждена зарабатывать себе на жизнь проституцией. Тем не менее она ухитрилась выйти замуж за Дидье-Гурдана, бывшего служащего ведомства королевских откупщиков, и вскоре с его ведома завела роман с богатым офицером. Когда Маргерит родила от него дочь, тот назначил ей неплохую ренту, которая, однако, вскоре прекратилась с его смертью в 1759 году. На образовавшийся начальный капитал Маргерит приобрела роскошную квартиру, которую и использовала в качестве помещения для своего неблагоприятного занятия. Поскольку квартира располагалась в доме на улице Графини д'Артуа, Гурдан была известна среди клиентов под кличкой «Графинюшка».

Гурдан прославилась тем, что поставляла для избранной клиентуры материал для всех видов разврата, а также сдавала комнаты для свиданий людям, которые по каким-либо причинам не могли тайно встречаться в другом месте (включая обуреваемых кровосмесительной страстью, что в то время не было редкостью. Известно, что регент сожительствовал со своими четырьмя дочерьми, а военный министр Шуазель питал более чем родственные чувства к сестре, герцогине де Грамон). Но дело в том, что, в отличие от закрытых публичных домов XIX века, в ее доме проживали на постоянной основе всего две-три блудницы. В то время женщины зачастую вынужденно прибегали к проституции, ибо их заработки были настолько ничтожны, что прожить на них не представлялось возможным. Подрабатывали все: от жриц искусства до замужних респектабельных дам, не желавших зависеть в своих тратах от мужей. Наглядной иллюстрацией служит анекдот тех давних времен о четырех чудесах Оперы: голосе певицы Лемор, икрах танцовщика Дюпре, ногах балерины Мариетты и добродетели. Вполне характерно для нравов эпохи, что танцовщицу Пети в костюме Венеры, выходящей из пены морской, уже через полчаса после выступления застали в подвале театра в обществе маркиза де Поннака, расточавшего ей любезности. Гурдан опутала Париж густой сетью агентов, которые доносили ей о появившихся молоденьких девушках, достойных ее внимания. Как только она прослышала о новой продавщице у Лабия, Графинюшка немедленно навестила магазин под предлогом приобретения кое-каких предметов туалета.

Далее обычно приводят выдержки из книги Пиданса де Маробера «Истории о графине Дюбарри», изданной в Лондоне в 1775 году. Автор якобы беседовал с Гурдан, заявившей, что в магазине она увидела «самое прекрасное создание, которое только можно узреть двумя глазами». Естественно, она не могла «упустить такое приобретение», украдкой подсунула девушке записку и тихо попросила навестить ее, когда та сможет улучшить минутку. «На следующий день – а это было воскресенье – мадмуазель Ланж явилась ко мне. Она сказала, что ускользнула под предлогом посещения мессы; я обласкала ее, угостила обедом и спросила, нравится ли ей ее место». Жанна ответила, что ее новое ремесло нравится ей больше прежнего, но вообще она не любит работу, ей скорее хотелось бы «постоянно смеяться и резвиться». Она также призналась Гурдан, что завидует дамам, посещавшим магазин, всегда щегольски одетым, неизменно в сопровождении красивых кавалеров, с разговорами об опере и балах. Гурдан продолжала: «Я ей ответила, что девица, подобная ей, не создана для того, чтобы гнущаясь над шитьем и зарабатывать жалкие гроши. Сие есть участь убогих и уродливых работниц, и показала ей свои апартаменты..., где все дышит наслаждением и любовью, обращая ее внимание на гравюры, украшавшие стены, ... молоденькая гризетка бросала на них жадные взгляды, она вся горела». Гурдан прибегла к испытанному приему вербовщиц: повела свою гостью в гардеробную, открыла шкафы, полные голландских тканей, кружев, тафты, шелковых чулок, драгоценностей и всего прочего. «Итак, дитя мое, не хотели бы вы присоединиться ко мне? Все сие

будет у вас; вы станете вести ту жизнь, какую пожелаете, все вечера у вас будут заняты празднествами, спектаклями, вы будете ужинать со всеми теми, кто есть лучшие и приятнейшие люди при дворе и в городе. Вы встретитесь здесь с принцами, генералами, министрами, судейскими чиновниками, церковниками..., вы будете работать лишь столько, чтобы приходиться ко мне развлекаться с такими же девицами, как и вы...» Под предлогом примерки платья она вынудила девушку раздеться и пришла в восхищение от ее «великолепного» тела, от изгиба бедер, «приводящего в экстаз», ее ляжек, ягодиц и, прежде всего, груди! «Через мои руки их прошло много, но никогда не попадались такие упругие, такой формы, так восхитительно расположенные». А волосы, которые не умещались у сводни в обеих руках!

Гурдан уверила девушку, что ей нет нужды покидать работу у Лабия; она может втихомолку приходиться к ней, чтобы немного подработать. Этот эпизод является замечательным примером того, как подобные дамы рекрутировали девушек. Но даже после выхода в свет вышеуказанной книги его достоверность поставила под сомнение сама Гурдан, уверявшая, что она никогда ничего не рассказывала Пидансу де Мароберу, но цитируемые выражения вполне соответствуют ее тону и духу. Она предположила, что автору все это рассказала одна из ее агенток-вербовщиц.

Как уже упоминалось выше, в отличие от закрытых публичных домов XIX века, в апартаментах Гурдан постоянно проживали всего две-три девицы. Поэтому как клиенты, так и сотрудницы дома Графинюшки приходили и уходили, но девушки не были в нем постоянными обитательницами. Так что историки все-таки склонны считать, что до публичного дома Жанна не опускалась, хотя, вполне возможно, нанесла туда несколько визитов.

Неизвестно при каких обстоятельствах и когда точно, но в 1763 году Жанна встретила с человеком, который взял ее судьбу в свои руки и окончательно определил ее.

Неукротимый гасконец

«Глава семьи Жан Дюбарри был одним из типичнейших придворных Людовика XV. Жан Дюбарри избрал прибыльное дело, на котором разбогател не один аристократ времени Бурбонов: работа заключалась в поставке королю женицин».

Из литературы нам известны два ярких образа гасконцев: д'Артаньян, вышедший из-под пера Александра Дюма-отца, и Сирано де Бержерак – детище драматурга Эдмона Ростана. Оба были реально существовавшими историческими личностями, но мы привыкли представлять их себе именно такими, какими изобразили породившие их авторы. Ни один писатель пока еще не решился взяться за создание образа Жана-Батиста Дюбарри, к которому как никогда подходит определение Ростана: истинный «cadet de Gascogne, menteur et bretteur, sans vergogne»⁹. Но даже простое описание его жизни создает достаточное представление о кипучей деятельности и буйном нраве этого человека – про таких обычно говорят: «эту бы энергию да на благое дело».

Семья Дюбарри (в ту пору, когда разворачивались описываемые события, устоявшейся орфографии не было, фамилия писалась то «дю Барри», то «Дюбарри»; в настоящее время у французов принято «дю Барри», а в русской историографии закрепилось слитное написание) в истории прославилась единственно своей фамилией, которой она на весьма шатких основаниях, так сказать, облагодетельствовала знаменитую фаворитку, вышедшую из самых низов общества. Тем не менее сей клан имел полное право похвастаться благородным происхождением. Это был провинциальный дворянский род, никогда не обладавший большими денежными средствами, а потому несколько отодвинутый на второй план, хотя его представители всегда верно служили отечеству. С конца шестнадцатого века Дюбарри проживали в окрестностях Тулузы, где имели несколько владений, главным из которых был Левиньяк-сюр-Сав на границе Лангедока и Арманьяка. Там будто бы до сих пор сохранился скромный особняк, построенный семьей уже в восемнадцатом веке. Надо сказать, что в то время семейные владения имели весьма жалкий вид: в поместье Левиньяк насчитывалось всего девять дворов.

Отец Жан-Батиста был капитаном, кавалером ордена Святого Людовика. Скромность происхождения не позволяла ему питать надежды на блестящую карьеру, а потому после окончания войн Людовика XIV он вышел в отставку, удалился в родовое поместье и в возрасте 45 лет женился на девушке также из незначительного провинциального дворянского рода. От этого брака родилось шестеро детей, три сына и три дочери, из которых к настоящему повествованию непосредственному отношению имеют старший сын Жан-Батист (родившийся в 1723 году), Жанна-Мари, с ласковым прозвищем Пиши (1727), Гийом (1732), Франсуаза-Клэр, известная под уменьшительным именем Фаншон или, попросту, Шон (1733), и Эли-Николя (1742). Последнего современники единодушно называли «единственным честным человеком в семье», ибо он упорно отказывался иметь что-либо общее с неприглядными делишками своего старшего брата. Семья жила в относительном достатке, и скончавшийся в 1744 году Антуан Дюбарри завещал каждому из детей по две тысячи ливров.

Однако старший сын не пожелал по примеру своего отца вступить на стезю воинской славы. Он изучал право в университете Тулузы, в 1743 году получил степень бакалавра и стал членом городской коллегии адвокатов. Невзирая на явную склонность ко всяческому рода дрязгам, Жан-Батист брезговал заниматься тяжбами и редко выступал в суде. Он был неглуп, но это следует отнести скорее за счет природной сметки, нежели какой-то особой одаренности. В 1748 году он женился на дочери мелкопоместного дворянина, «красивой и добродетельной особе»

⁹ мболодец из Гаскони, бесстыжий враль и забияка-дуэлянт (франц.).

Урсуле-Катрин Далма де Вернонгрес, в 1749 году у супругов родился сын Адольф. В том же году скончался престарелый родственник, приходившийся Жан-Батисту крестным отцом. Он завещал молодому человеку все свое имущество, довольно солидное: поместье Сера с господским домом о двух башенках и двадцатью четырьмя гектарами плодородной земли. Заразившейся манией величия, Жан-Батист с тех пор представлялся не иначе как «высокородный и могущественный сеньор граф де Сера, сеньор Левиньяка»¹⁰. Это, впрочем, было типично для французов эпохи XVIII-XIX веков, чья страсть к выставлению напоказ своего благородного происхождения принимала порой самые гротескные формы. Не будем забывать, что это поветрие не обошло и скромную семью Бекю, самовольно присоединившую дворянскую фамилию Кантиньи.

Жан-Батист решительно вступил на путь неумного мотовства, принялся жить на широкую ногу, всячески пуская пыль в глаза окружающим, задавая балы и устраивая спектакли. Естественно, его небольших доходов не хватало на затыкание всех дыр в семейном бюджете, так что пришлось продать несколько сдаваемых в аренду ферм и залезть в долги. Затем «сеньор Левиньяка» решил попытать счастья на водах курорта Баньер-де-Бигор, пользовавшегося популярностью у аристократии. Жан-Батист изображал из себя владетельного графа де Сера, щеголявшего в розовом жюстокоре и туфлях с красными каблуками¹¹. Надо отдать должное той уверенности, с которой он отчаянно врал, умел польстить сильным мира сего и втереться к ним в доверие. Ему удалось произвести впечатление на отдохавших на курорте герцога и герцогиню д'Антен, графиню Тулузскую. Вдохновленный своими светскими успехами, Жан-Батист решил отправиться на покорение Парижа. То ли в конце 1752, то ли в начале 1753 года он отправился в столицу, оставив в Левиньяке жену и сына.

По его собственным словам, он отряхнул со своих ног пыль провинции и отправился в Париж «со смутным стремлением к переменам и удаче, движимый амбицией без определенных целей, готовый на все и влекомый двумя главными мотивами: любовью к искусствам и тягой к удовольствиям». У него был хорошо подвешен язык, ему ничего не стоило прихвастнуть, его не стесняли никакие нравственные предрассудки. Через дальних родственников жены ему удалось устроиться на дипломатическую службу, и его несколько раз направляли с незначительными поручениями к немецким дворам. Однако члены дипломатического корпуса нашли его несдержанным, вульгарным и непригодным к службе в этой чопорной и деликатной сфере, а потому министр иностранных дел Руйе постарался побыстрее избавиться от такого сотрудника.

Тогда Дюбарри решил употребить свои способности в области карточной игры и галантных похаживаний. Завсегдатай игорных домов и зланных мест, он умел придать себе вид важного сановника, владетельного сеньора, прикрыть свою вульгарность изысканными манерами, в решительные минуты ему приходили на помощь хладнокровие, жестокость и наглость, которых ему было не занимать. Очень скоро Дюбарри прославился по всему Парижу безудержной гульбой, нечистой игрой в карты, огромными долгами и способностью ловить в свои сети самых красивых женщин легкого поведения. Краткая кличка «Roué» настолько отражала его сущность, что он стал известен именно под этим прозвищем. Специфический французский термин «roué» вошел в обиход во времена Регентства, им называли отъявленных распутников, открыто попиравших какие бы то ни было моральные устои, на которых, как принято говорить у русских, уже и пробу ставить негде. С точки зрения закона подобные отпетые личности подлежали казни через колесование, отсюда и происхождение этого прозвища. Однако к

¹⁰ Дюбарри был далеко не одинок в присвоении титула, на который не имел права. Историки раскопали, что муж маркизы де Севинье, прославленной мастерицы эпистолярного искусства XVII века, не имел права носить титул маркиза; то же самое можно сказать и о «маркизе» Франсуа де Богарне, свекре Жозефины Богарне, во втором браке жены императора Наполеона I.

¹¹ Жюстокор – длинный мужской кафтан, сшитый по фигуре, без воротника, с короткими рукавами, украшенный большим количеством пуговиц и позумента; право носить туфли на красных каблуках тогда имели лишь придворные.

необузданному распутству и неистребимой страсти к игре у Дюбарри прибавились еще способность нагло обманывать направо и налево буквально всех, включая своих друзей, бесшабашный образ жизни и необыкновенная неустрашимость. Поэтому смею полагать, что в данном случае с учетом всех характерных черт этой продувной бестии перевод его прозвища на русский язык как «Прощельга» будет вполне адекватным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.